

АМЕРИКА, ЗДРАСЬТЕ!

Все, замуж я больше – ни ногой. Это я еще где-то на середине третьего мужа решила окончательно. Поэтому в четвертый раз сваталась строго по расчету. Я как раз тогда в Австралию намыливалась. Чего там, думаю, – женюсь! Повезу супруга с собой, как станок-универсал капустострогальный. А он там у меня работать будет... Чего из этого предприятия в Австралии вышло, я уж докладывала общественности. «Записки судомойки» этот доклад назывался. Если коротко, то супружество за бугром пошло большими трещинами. Расчет оказался правильный, но не в мою пользу. А теперь мой номер – пятый, да я уж больше не в Австралии. Объясняю.

* * *

Дело было в Мельбурне. Один раз на одном форуме я заметила одного человека. Потому что у него был потрясающий английский, и очень смешной притом. А остальные там больше по-нашему выражались. Русский это был форум-то. Эмигрантский. И я ему написала: отчего это в словах у вас такая легкость? А через год где-то он мне ответил: да из головы все. Ага, подумала я: поддается. И пустилась кокетничать. Завертелась у нас переписка. А через три примерно недели он мне сделал предложение. А?!!!

Я картинно задумалась. Паузу выдержала, как полагается. И минуты через три, а то и через все четыре – неожиданно согласилась. Хорошо еще насчет текущего брака довольно быстро вспомнила. А то прям не знаю как могло запутаться.

А тут надо кстати заметить, что жениха своего я вообще никогда не видела. Мы в интернете общались. В электронной почте. Причем у него было все же две моих фотографии. Правда, мелкие и не в фокусе. Но это и неважно, потому что он на них все равно смотрел редко – очень я бывшую тещу напоминала.

А у меня его фоток не было вообще совсем. Я его на месте должна была увидеть, как в сказках полагается. Сказки, конечно, обещали хороший конец, хотелось однако же и твердых гарантий. Я ужас как нервничала – а вдруг он какой-нибудь кривой и трясется! И прям есть перестала от раздумий, тем более, мужчина намекнул, что в нем росту метр с кепкой. И я теперь целыми днями тренировалась по улице рядом с китайцами ходить, подгибая колени, а то жених закомплексует. Господи, он еще и лысый!

В общем, к тому моменту, как я долетела до Америки, меня чего-то трясло и из самолета выходить было сильно неохота. Забыла сказать, он в ней как раз находился, внутри. В Америке, в смысле.

И он мне все наврал! У него были волосы! И зубы тоже, и другие вещи. А рост – чуть не два метра. Ну вот же ж, да? Я ведь самые лучшие каблукы все дома оставила! Так что все, через неделю – в самолет – и назад, за котом и обувью. У меня там еще кот сидел, в Мельбурне.

А кроме кота там был – я уж писала, – текущий муж. Тот самый, которого я

вывезла. Тут пора честно признаться: за границей текущему было нехорошо. Капиталистический мир оставался ему чужд. Счастья не было.

А тут прилетает такой радостный сюрприз в моем лице! Засунув поглубже свой синий паспорт, он с первым же катером мог лететь в Россию! Счастье пришло. Человек вновь обрел родину. А она – его.

А я – адвоката. Тут кстати выяснилось, какой тухлятиной оборачивается иной раз семейная жизнь: вход – свободный, а экстренный выход – вспомнить стыдно. На такие деньги можно еще человек восемьсот переженить, если в рублях. И если найти еще, кто согласится. Но я все равно заплатила. Потом забрала кота и уехала.

Америка мне сразу понравилась, прямо очень. Потому что я довольно-таки быстро в скорую помощь попала. Там все как в сериале про американских врачей, даже еще лучше. Это из-за таблеток вышло, которыми меня от беременности лечили. Таблетки оказали свое решительное действие, но не помогли. Получилось интересно.

Коробок с работы пришел неожиданно посередине дня, хотя мы так не договаривались, причем у меня тут же началось кровотечение, и мы, тихо переругиваясь, поехали прямо в госпиталь, тут пять минут. А потому что он меня два дня как вписал в свою страховку, хоть я спорила до упаду – я болею раз в сто лет и выздоравливаю сама собой как мухи, их же никто не лечит. А страхование меня стоит 300 местных шишей в месяц с гаком лучше б я сама их потратила, но Коробок упрямый, как я не знаю кто. Что получилось как нельзя вовремя.

В госпитале к руке моей тут же привязали бирку с именем и адресом и закатали в боксик, где был кислород, вакуум, телевизор и куча устройств неизвестного назначения. Кровать превращалась в кресло, скамейку и самокат и имела небольшой двигатель, чтоб кататься, хотя небыстро. Тут же принесли разогретый одеяльчик, а медсестра извинялась, что у нее руки холодные. В голове шел тихий снег, а мысли были легкие и все куда-то улетали. Коробок даже телефон где-то подкрысил, чтоб звонить прощаться, ежели чего, прямо с одра.

Доктор велел поставить капельницу и срочно пошел искать специалиста, поскольку чего со мной делать в окончательном смысле, было неясно.

Под капельницей я быстро согрелась и меня опять заинтересовало мирское. Медсестра оказалась испанка, а доктор – азиат, но такой молоденький! Потом объявилась негрятючка, которая представилась транспортером, так что, когда она пришла, вся контора – мы с кроватью, Коробок и капельница – поехали в ультразвук.

Там, в темноте, тихо орудовала тетенька. И это кино, что она снимала, потом на 600 нерублей потянуло! Хотя мне что, платила-то страховая. Это им повезло даже что недорого, на пять кусков всего попали, ерунда.

Потом мы приехали обратно в боксик, и тотчас пришел очень радостный гинеколог и объявил, что все понял! Это через таблетки у меня кровотечение! Почти не опасно, пока кровь не кончится. Потом тоже будет не опасно, хотя уже иначе. А можно и не ждать, а начинать спасательную операцию прямо сейчас. Если я согласна. И доступными словами объяснил, какие тут могут случиться врачебные ошибки и оплошности.

У него были такие прекрасные, белые зубы. Он был еврей и к тому же Билл Гейсс. Конечно, я согласилась. Тем более, обещали наркоз.

Еще некоторое время мы ездили по этажам и точили лясы с персоналом, а потом пришел анестезиолог и предложил выбирать – общий наркоз, или необщий, но тоже интересный. Я попросила общий. И щепоточку героина. А просто интересно было – вдруг дадут? Анестезиолог подумал немного и дал успокоителя. Он вообще индеец был, может, даже чероки.

Потом пришла еще одна медсестра. Она строго спросила имя мое. И проверила бирку на руке, чтоб ей вместо меня левак не подсунули. А потом наконец дали, наркозу-то. А после еще соку дали, яблочного, и домой отпустили. Так что в американской скорой мне очень понравилось. И сок у них хороший, кстати.

А в прошлую пятницу я вышла замуж!! причем Коробок хочет детей, прям не знаю, как будем.

* * *

Одному молодому человеку на день рождения я розу подарила. И еще сказала томным голосом, что когда цветы от души дарят, они стоят долго. Ну это я просто так сболтнула, чесслово. Я ничего такого не имела в виду. Ну для кокетства просто. И ухомэлок был мне бегло знакомый. Он вообще был младше на 12 лет, если это важно.

А только роза моя взяла и проросла зачем-то, прямо в хате у того нежного юноши. Он поначалу даже гордился – вон как дама к нему чувствительно расположилась. Потом бывшая в гости нагрязнула. Ну, вопросы там пошли, намеки какие-то идиотские. Бывшая откусила себе кусок этой проросшей розы и удалилась в неизвестном направлении.

А оставшаяся часть знай себе побегти тянет и корни распускает. В воде причем стоит, на голодном пайке. Месяц прошел, другой. На третьем молчел уже забоялся конкретно. Чего она растет-то? Это в каком же, собственно, смысле? И чего б ей не засохнуть, а?

И вот он однажды взял эту розу распущенную и привез мне обратно прямо в бутылке из-под пива. Мне, говорит, неудобно такое у себя в доме держать. Квартира у меня съемная, да и вообще диссертацию пишу. Забери сейчас, а то я за себя не отвечаю!

Взяла я розу. И незачем так орать. Юноши иной раз до чего мнительные попадают.

* * *

Жениться в Америке просто. Купил лицензию за полтинник, три дня подумал – и вперед, можно регистрироваться. У раввина, муллы, пастора или просто тети Моти с патентом. Но мы в суде сочетались, знаете ли. Потому что мне еще грин-карту получать, а тетя Мотя это как-то ненадежно, хоть и с патентом. А суд это серьезно. Там днем мелких преступников судят, а после обеда сразу сочетать начинают, не отходя от кассы. И брачующимся хорошо: отработал смену – пошел в суд. Обраковался в рабочем порядке.

Мы приходим, а судья как выскочит! В черной мантии, сам встрепанный, зовут Циммерман. И сразу на мистера Коробка наткнулся. У того свадебная майка

была, с надписью во всю спину: “Знаешь чем занять идиота? Впереди посмотри.” А на животе то же самое: “Знаешь чем...? Сзади”. По-английски написано. Красивая майка. Ходишь вокруг и думаешь об идиотах. Ммх!

А сверху мистер Коробок еще тибетейку надел, ему казахский бей в прошлом году подарил. Беленькая такая, с кисточкой.

Ну, судья тут просто дара речи лишился. Обошел жениха, губами пошевелил и рукой махнул – за ним, значит, идти. Там зальчик такой, судебный. Полстены герб занимает, остальное – место для судьи, вроде прилавка, и стулья для клиентов. Казенно конечно, зато с настроением.

– Расписаться здесь, здесь и здесь, тут жених, тут свидетели, деньги принесли-давайте.

Ну как же. Деньги, конечно, принесли. Тут полтинник, там полтинник... Кусается семейная жизнь, помаленьку.

Судья капусту сосчитал – и к двери. – Обождите,– говорит,– я мигом.

Ну-ну. Мы порасписывались, где велено, герб пощупали и стали пузыри пускать, чтоб развлечься. У нас с собой пузыри были, мыльные. Через некоторое время стало интересно, куда это его унесло-то. Может, в туалет? Или кофе выпить? Кофе тут дрянной. А может, он нас уже сочел? И точно ли то был судья? Время-то к шести катит, суд закрываться должен.

Мистер Коробок взял тогда бейскую тибетейку и пошел судью искать. Долго ходил. Нашел еще пару комнат с брачующимися. Они там тихо сидели, у них пузырей не было.

Этот судья наш многостаночник оказался, вот как интересно. Он три пары одновременно регистрировал, короткими перебежками. И не сильно рад был, когда его нашли. Профессиональные тайны бережет.

Ну ладно, ладно, вернулся. И сразу к подписям – проверять. Потом долго объяснял, чего делать с кольцами. Кольца надо отдать свидетелям, они их подержат. Временно!

А он пока речь скажет. А в конце надо согласиться, когда спросят. Вот тут я волновалась сильно. Потому что чего там этот судья плел, это я только в общих чертах догадывалась. У него произношение такое, будто полный рот каши набрал, и она у него там булькает.

И я опасалась вылезти со своим – Yes, sir – не в кассу, когда жениха, например, будет очередь, или судья еще будет мысли свои излагать.

Слава богу, все обошлось! Судья просто замолчал посреди речи и минуты полторы смотрел на меня своими круглыми американскими глазами, и я сразу тогда догадалась, что пора.

Yes, – я сказала. – I will.

После этого мы уже считались окончательно в браке и можно было забрать назад наши кольца, а то я уже беспокоилась. Потом судья еще немного поговорил о своей соседке из Австралии, скорбно припомнил, во что обошлась ему жена из Хорватии, вздохнул и спросил про тибетейку.

А потом Циммерман наш рясу подтянул и за следующим полтинником направился, а мы на улицу пошли, пузыри пускать. Они там выше летают.

* * *

Вчера енота встретили. Мы в лес ездили, а там енот. Он ел змею небольшую, на дороге. Змея была не очень вкусная, но полезная, так что жевал старательно, хотя нос морщил. Он вообще на хохла похож, глаза круглые такие, и любопытный, как кошка, и хвост колбасой полосатый. Лапы тоже, удобные – почесаться там, или змею за щеку заправить. Блохи вот только проклятые – чешешься, чешешься! Там кедры у реки, живые, им по восемьсот лет, а есть и такие, которым по две тысячи, у них стволы как дороги в небо прямые.

Вот у папы однажды был бездник, и мой брат, он тогда химией страшно увлекся, он подарил папе небольшую праздничную бомбу, и мы все пошли на улицу ее взрывать, и бомба отлично бахнула! Вообще-то это была ракета, я спутала. Корооче, эта холера взлетела, что-то там полетала в вышине, рассыпая искры и части, и окончательно развалилась.

И красивые огненные куски полетели к земле, где мы как раз стояли, с праздничным папой. И один кусок случайно залетел в папин ботинок и очень быстро прожег ботинок насквозь: сначала сверху, а потом и подошву. И ушел на неизвестную глубину в землю. Интересно отметить, что носок практически не повредился, только небольшая дыра, и папа, который находился в ботинке вместе с носком, также не пострадал, хотя слегка напугался. Все равно крику потом ужас было. Главное, брат пытался им объяснить, как это прекрасно, когда праздничная ракета так сильно поражает виновника торжества, при этом его не повреждая, и это тоже часть подарка, все равно они орали. Им прекрасного не надобно. Можно подумать, это последний ботинок на свете, с ума сойти.

А я лучше про сморчки американские скажу еще, это важно. Мы их в лесу собрали сгоряча, а теперь терзаемся – вдруг они ложные? В определителе местном, кстати, так и написано – ложные. Есть нельзя! Но я чего-то сомневаюсь. Потому что русский справочник считает, что и ложные иной раз можно поесть. Что не все отравляются. Не сто процентов. Надо только свой процент угадать.

В пятницу сделали мне dental surgery. В смысле, зуб удаляли и кость на это место приращивали. В общем, сложная была операция. И что интересно – под капельницей, причем бесплатно, поскольку в этот день клиника сертификацию проходила как раз по наркотическим делам. Это специально мы выжидали: раз в год халява. Наркотики у них отличные! И разные. Их там коктейлем дают, так что соображаешь прекрасно, зато не помнишь ни-че-го – вот это правильные лекарства! Инструкцию о том, чего делать после операции, я прочла четыре раза. Помню, буквы там такие синенькие, а бумага глянцева.

Ну в общем, как только мы приехали домой, я ясным голосом объявила, что хочу в музей, сто лет в музее не была, поехали быстрее. Мистер Коробок посмотрел на мое здравомыслящее лицо и сразу согласился. И мы к вечеру поехали, погода была прекрасная. Мы там погуляли немного, а когда зашли наконец в музей, я сразу упала в обморок, причем очень удачно, потому что сначала я села на пол, а потом уже прилегла, а пол там очень чистый и вышло так красиво, по-благородному.

Потом включаюсь я обратно, а вокруг бегают толстый слуга и что-то в мо-

бильник бормочет, а рядом сидит мистер Коробок и информационным голосом сообщает, что толстый скорую вызывает и надо срочно делать ноги. Потому что в послеоперационной инструкции про посещение музеев ничего не говорится, зато говорится, что надо сутки покоиться в койке и и думать о тихих вещах. А которые бегают как подорванные, платят за скорую сами.

На этом месте я быстро протрезвилась и потрусила к выходу, но скоро отвлеклась и про скорую опять забыла. Наркотики, повторюсь, были замечательно долгого действия и разнообразия. Так что я стала там у дверей на парапете сидеть и скромно пить водичку. И опять припелся этот толстый и все что-то болботал и топтался, а солнце было яркое, летнее.

Потом смотрю – звон, шум, машина пожарная выезжает, красная такая, блестящая, а за ней еще скорая, и воют на разные голоса, и Коробок мне одиннадцатый раз сообщает, что это за мной, а с фланга этот толстый переминается. Мама дорогая! Он уже две перевозки вызвал!

Я толстому сразу с большим достоинством поклонилась – такое, мол, приятное знакомство, нам пора, привет супруге, – и за угол, а Коробок за мной, слава богу успели. А у них тут пожарки потому что вместо скорой часто приезжают. Они тоже лечить умеют.

* * *

Намедни посетили американское болото. Болото от нас – рукой подать. Тринадцать миль – и готово. Осмотрели. В целом неплохо, хотя имеются и недочеты. Неприятно говорить, но комары. Просто возмутительное количество, как в тайге какой. Даже один мне в рот залетел, живой и вместе с ежевикой, вот ужас-то. Там такая проселочная дорога, через болота, и если по ней ехать медленно, то всех увидишь, кто в трясине. Ну во-первых зайчики, рыжие и зеленые. Прямо на дороге сидят. Кушают. В случае чего голову с ушами в траву суют, а на дорогу выставляют меховые штаны. Под хвостом салфеточка. Очень мило.

Сокола тоже видели. Их тут вообще много, орлов американских. Дрянная птица, если присмотреться. У знакомых вот собачку орел унес, она, бедняжка, только твякнула с неба. И сокол этот подлый сел на дерево, имея в виду яйца. Там гнездо было, причем чужое. А этот гад примеривался яйца стибрить. И сидел на веточке, типа блох ловил под мышками, воздух нюхал. А его там тоже имели в виду, в гнезде-то. Такие птички небольшие, вроде дятлов, они этому соколу быстро по чайнику настучали. А потом гнались еще, и крыльями по голове хлопали оскорбительно, и за хвост щипали – помни собачку, береги яйца, мешок с перьями!

То-то я смотрю у орлов и вообще вид какой-то драный. Свободная страна. Всякому могут дать в репу.

ХЭППИ, ЭНД

Ромке полтора года дали, счастлив безумно. По его статье вообще восемнадцать лет полагается, либо высылка. Тут ведь гражданство отбирают, если что. Воровать можно – это стимулирует экономику. В тюрьму только посадят: отсидел – воруй заново. А бандитов высылают.

Ну какой Рома бандит! Он из себя красивый изумительно, как в кино про русскую мафию – такой с виду бритый, накачанный, шея с цепью, как у мамонта, и

джип всегда новый, он браткам джипы в Россию пересылает. Ну харлеи там разные Дэвидсоны, еще кой-что по мелочи – такой бизнес. Ромины фотки даже в газетах печатали, во какой красавец. “Русская мафия против американского правосудия” – триумфальные были заголовки. Это когда Рома тут гринкартами пристроился торговать, с южком одним. А тот его, подлец, полиции сдал, а сам выкрутился. И к тому же оказался евреем, вот ведь какая гадина.

Рома, он же простодушный. Он даже не заработал толком, все бабки у этого предательского южка остались. Так что суд сразу признал, что гражданин Рома редкостный и прекрасный семьянин, несмотря на неясное происхождение, а высылать его из Америки опасно. Слишком много знает.

И дали, значит, полтора года, везет же некоторым. В тюрьму садиться месяца через два, когда очередь подойдет. Навещать в любой день – санаторий-то федеральный. День причем за три считают. Место живописное, в лесу, с большим бассейном. Сайт у них свой в интернете. Ну и контингент соответствующий: министры там разные бывшие, сенаторы-взяточники. В общем, полезные знакомства плюс ценные знания.

А вот родня у Ромы в России, те настоящие бандиты. Я даже дядю какого-то видела, в гости сюда приезжал, – это ужас, а не дядя. Хотя люди все тоже хорошие, добрые и очень верующие.

Тут у нас белки на веранде, с добрым утром. Они семечки любят. Белок, чтоб не путать, я называю именами разными. С утра Ерофеев приходил, облезлый такой. Насчет завтрака, в окно скреб. Семечки у него кончились. Ну я подсыпала, чего там. Ерофеев сидел и внимательно кушал, как отставной военный в турбазовской столовой. Ковырлялся. Тщательно пережевывал пищу. А тут из-за куста – Мартов. Рыжий хам. Как набежал, набежал! Ужас. Толкнул Ерофеева в бок с разбегу. Тот упал, семечки растерял, закашлялся. А Мартов отбежал еще разок, чтоб разогнаться, и опять на Ерофеева. Ну, тот уже ждать не стал, побежал, крошки роняя, и перхая, прямо в поле. А чего делать. Мартов теперь сам посреди кучи сидит. Живот чешет, чавкает. Прямо стыдно за некоторых.

Пора о серьезном поговорить, пора. Я вот пишу все о пустяках разных, а у меня между тем нос-то сломан! В двух причем разных местах. Лет десять уже тому. А просто брак тогда не удался. И надо, кстати, отметить, что на родине я о носе сильно не думала. Дышит, и ладно.

Зато в Австралии задумалась крепко – шо-то у меня старый нос какой-то утлый. А нельзя ли сюда новый пристроить? Желательно подешевле.

– Можно, – говорят. – Но по записи.

За казенными носами была очередь аж на десять месяцев, и я уж почти дождалась, но тут как раз личная жизнь обострилась.

И операцию назначили – ну бывает же свинство! – на день перед вылетом в Штаты. То есть я имела шанс прилететь к совершенно еще неподготовленному жениху с загипсованным носом и большими грустными глазами. Кому охота браком-то рисковать! Тем более – пятым. Пришлось отказаться.

А в америках гляжу – носы тоже делают! По страховке. И доктор такой энергич-

ный попался, из немцев, но энтузиаст – только познакомились, а он сразу – будем, будем, будем резать! Резать надо. Послезавтра. Га?

Ну я прямо застеснялась от такого напора. А только чего ж не согласиться. Ну, если уж так сильно просят. Ну уж ладно.

В госпиталь мы приехали утречком. Там меня взвесили, дали рубашку в цветочек, хорошенькие серые носочки и бирочку с именем на руку. И я еще полтора часа прохлаждалась, а мистер Коробок меня сторожил и подбадривал.

Потом пришел веселый такой старичок, посвистывая и крутя фонендоскопом. Он оказался главный анестезиолог. Вообще-то вид у него был – будто человек с утра вдетый и его колбасит. Сам-то из колумбийских, да. Он еще спросил пару вопросов, и, посмеиваясь, покатил меня к давешнему немцу.

Чего они там мудрили надо мной 5 часов, описать не могу, а только время это быстро пролетело, чего ужасно жалко. Я ж не успела разобрать, как наркоз-то – вставляет, иль так себе. Теперь не знаю даже, что сказать.

В носу был евроремонт с перепланировкой. Перегородку перенесли, стенки заровняли, сверху кусочек уха подсунули, ноздри пластмассовые вдели – профиль у меня получился просто античный. А вот как наркоз сработал – неизвестно.

Проснулась я в боксике. В голове было тихо. На носу обнаружился пластырь и красивая пластиковая крышечка для усиления твердости. Настроение было мечтательное-мечтательное. Но часа через два нам твердо предложили выметаться. Пришлось ехать домой.

Дома было классно, сто лет я так не болела! Мистер Коробок вокруг меня хлопотал и клубился. Никто за мной так не ухаживал. А я как тот колумбиец – только посмеивалась. Одна проблема терзала – нос под пластырем чесался зверски. Ничего, я его скрепкой разогнутой под крышечкой скребла. Нервы успокаивает и для кровообращения хорошо.

Ну вот, лежу я себе, почесываюсь, думаю о красивом, а тут приглашение из INS приходит – интервью на гринкарту через десять дней.

Ой! Че ж я одна лежу-то! Брак же укреплять надо! Коробка сюда! На интервью фиктивность проверяют. А то некоторые так и норовят местами пожениться, а сами другое имеют в виду. А я еще с носом, прям как назло.

Слава богу, через пару дней сняли с меня этот дурацкий пластик.

И я стала вся такая обалденная! Чего, однако, было незаметно. Потому что на нос тут же прилепили пластырь. А снимать сказали не надо – нос сядет, а пластырь слезет. Сам. Ага. Как же! Ну, думаю, ладно. Дней пять подожду. А потом уж извините. Не могу же я при иммиграционном офицере скрепкой в носу чесаться, как енот на паперти.

Интервью пошло с ветерком. Сначала мы в чем-то серьезном очень поклялись, подняв ладони. Слов я точно не разобрала, но согласилась сразу. Офицер потому что китайка, кто их поймет с ихним акцентом. Хорошенькая такая девушка, зовут Ли.

А она говорит – да как же это у вас так получилось. А я обрадовалась и давай объяснять, что замуж соглашалась не глядя, но очень серьезно, и вот же у меня доказательство есть – счета телефонные – первый разговор две минуты, второй –

одиннадцать, а в третий раз мы 7 часов 56 минут беседовали, вот вы так сможете?

Ли говорит – а о чем беседовали-то? А я и не помню. Помню, солнце было яркое и глициния цвела, а о чем говорили – не знаю.

Еще Ли спросила мой американский адрес. Ну, это я специально выучила, мне верные люди подсказали. Первое, говорят, доказательство семейной жизни – знать, как супруга зовут и где он в точности работает. Еще советуют величину зарплаты запомнить, потом может пригодиться. А я еще рост, отдельные размеры и день рождения зазубрила – вдруг тоже понадобится.

А только она другое спросила. Она спросила, какой же это у меня муж по счету.
– Четвертый, – скромно ответила я. Наврала вообще-то. Хотя не сильно.

Офицер Ли легкомысленно хихикнула и еще немножко покопалась в мужьях. И мистера Коробка проверила – всех мужей он помнит, иль только последнего. Он маленько в порядковых номерах спутался, но по именам правильно ответил.

На этом вопросы кончились, и посреди паспорта моего Ли шлепнула красную печать. Печать легла как раз поверх кенгуриного прыжка: в австралийском паспорте государственные звери по страницам скачут. Я перестала быть нелегалкой. Америка, здарсьте!